

УРИВКИ З ІНТЕРВ'Ю ПРО ВІШАНУВАННЯ ПАМ'ЯТІ У 1966 РОЦІ

А

Уривок з інтерв'ю Євгена Когана з Еммануелем Діамантом

«Если это госмероприятие, то мне там нечего делать. А если нет, то мне там тем более нечего делать!»

– И вы с крошечной компанией единомышленников решаете провести первый митинг памяти жертв Бабьего Яра? Как вам вообще пришла в голову такая идея?

– Мы знали, что приближается дата – 25 лет трагедии в Бабьем Яре, так что мы поняли, что надо что-то сделать. Мы верили, что между нами нет стукачей, но мы понимали, что вся наша жизнь пропитана стукачеством. Так что мы говорили только с самыми близкими друзьями. И в какой-то момент пришла идея собрать людей в годовщину Бабьего Яра. Мы начинаем подходить к незнакомым людям на улице и призывать их прийти в Бабий Яр. На нас, конечно, в основном смотрели как на идиотов. «Если это государственное мероприятие, то мне там нечего делать. А если это не государственное мероприятие, то мне там тем более нечего делать!». Хотя некоторые выслушивали. И в результате 24 сентября 1966 года в Бабий Яр пришли человек пятьдесят. Милиции не было, но в какой-то момент появились две машины, оттуда вышли люди с киноаппаратурой и начали снимать. Мы были уверены, что это КГБ, – это потом мы узнали, что нас снимали две группы документалистов, киевская и московская. Позже киевлян взяли за одно место и забрали отснятые пленки – оператор Эдуард Тимлин смог сохранить 80 метров пленки, которые всплыли потом, в начале девяностых, и благодаря которым мы имеем те фотографии, что имеем, потому что сами мы не фотографировали. Мы вообще не знали, что делать, ничего не приготовили – только повесили плакат. На плакате кроме прочего были слова «Бабий Яр», которые до того не произносились! Почему и стихи Евтушенко, и книга Кузнецова имели такой оглушительный эффект? Потому что они впервые вслух заговорили о Бабьем Яре.

...

– И что происходило на вашем митинге?

– Ничего не происходило, это не было митингом. Под прицелами кинокамер люди начали быстро расходиться – никто не хотел, чтобы его запечатлели на пленке. Остались мы – несколько человек. И тут к нам подошел человек, протянул мне руку и сказал: «Я Некрасов. Ты это сделал?» – и показал на плакат. Я ответил: «Нет». Тогда он спросил: «Боишься?». И я ответил: «Да». Разговор не получался. Потом он спросил: «А почему сегодня?». Я объяснил, что мы специально организовали все это 24 сентября – в канун Йом-Киппура, потому что расстрел 1941 года проходил 29 сентября – тоже в канун Йом-Киппура. И снова пауза. Вдруг он протянул мне клочок бумаги со своим телефоном, сказал: «Надо бы встретиться, поговорить». На следующий день я был у него, и мы решили, что нужно делать новый заход – 29 сентября. А плакат остался – он удивительным образом провисел еще три или четыре дня. Сейчас я думаю, что киевское начальство решило, что его повесили московские документалисты, и не решилось снять.

– И 29 сентября неожиданно пришла толпа?

– Да, это видно на снимках. И там выступали Некрасов и Иван Дзюба, который на тот момент уже написал свою знаменитую работу «Інтернаціоналізм чи русифікація?». Хотя это нельзя было назвать какими-то выступлениями – не было никакой аппаратуры, мегафонов. И Некрасов, и Дзюба стояли, зажатые толпой, и что-то говорили. Это не были выступления, это были какие-то комментарии, фразы.

...

– **Вы благодарны Некрасову за то, что он делал?**

– Безусловно! «Приходите, будет Некрасов!» – одно его присутствие легитимизировало то, что произошло. Он вообще очень много сделал для того, чтобы сохранить память о Бабьем Яре.

<http://www.kby.kiev.ua/komitet/ua/history/art00172.html>

[Посилання](#)

Б

Уривок з інтерв'ю

Костянтина Гедзя з Рафаїлом Нахмановичем «Бабий Яр-1966: як це було»

– **А представители «органов» к вам подходили?**

– А как же! Оператором был Тимлин, он побежал в толпу и «зацепился», буквально «зацепился» камерой за нашего студийного режиссера Юдина Михаила Михайловича – физически очень крупного человека. И стал его снимать. В это время я уже подошел поближе, и ко мне прибежал тимлинский ассистент и говорит: там спрашивают, кто главный. Я пошел к тем, которые спрашивали. Это были два очень вальяжных молодых человека в штатском обмундировании, и они спросили: «Что вы снимаете?». Я сказал: «Снимаем людей на Бабьем Яру». Они попросили мое удостоверение, показали свои удостоверения... Знаете, как у них было принято показывать – они, показывая, открывали на секунду – и закрывали. И убирали. Ну, мне их фамилии не были нужны и не были интересны. Я сказал: «Что, прекратить съемку?». «Нет, снимайте».

– **А неприятности какие-то потом были?**

– Были. Вечером я написал «телегу» директору студии, положил утром ее на стол. Он внимательно меня послушал, в это время раздался звонок по вертушке. Он сказал: «О, уже интересуются». И в телефон: «А он у меня сидит». Они спросили у него: а что с

материалом? Я сказал: «Материал в проявке». Ну а потом, по-моему, через неделю, состоялось заседание Госкино, на котором вкатили по строгому выговору с предупреждением нам с Тимлиным и директору студии.

<http://www.kby.kiev.ua/komitet/ua/history/art00017.html>

Посилання

